

ВОСПИТАНИЕ И ШКОЛА В ПЕРИОД АНТИЧНОСТИ

С возникновением античной цивилизации (VIII в. до н.э. – V в. н.э.) связан важнейший этап истории педагогической мысли.

Временем, сформировавшим собственно древнегреческую цивилизацию, стал период «архаики» VII – VI вв. до н.э. Именно тогда возникает система полисов, небольших городов-государств, где складываются различные системы воспитания.

Население полиса представляло собой гражданскую общину, соединенную властью единого закона, хозяйственной самостоятельностью граждан, единством полисной идеологии.

Античная система образования строилась на идеях рациональности и автономности личности, примата светского начала, на идеях развития личности и знания как добродетели. Основой педагогики была полисная идеология, идеология коллектива более или менее равноправных свободных граждан, связанных общими обязанностями по отношению к государству. Культура полиса была скорее устной, нежели письменной, поэтому в центр образовательного процесса ставились искусство красноречия (риторика) и искусство правильного сочетания слов (по форме — грамматика, по содержанию — диалектика, т.е. логика и философия).

В разных полисах установились различные системы воспитания. Знаменитая спартанская и не менее известная афинская системы воспитания Древней Греции могут рассматриваться как родоначальницы многих направлений современного образования. Термин «спартанское воспитание» вошел в современный язык как определение строгого, военно-прикладного стиля, основанного на культивировании выносливости, непримечательности, бытовой скромности, физической выносливости

учащихся. Принципы спартанской школы несомненно пережили века и заняли соответствующее место в современной системе воспитания.

В Спарте доминирующей была роль военно-физического воспитания, которое преследовало цель готовить из детей воинов. Образование в Спарте было привилегией детей рабовладельцев; мальчиков и девочек в возрасте с 7 до 15 лет обучали по общественному типу, т. е. вне семьи. **С 7 лет мальчики-спартиаты помещались в специальные учреждения – агеллы.** Особое внимание обращалось на физическое воспитание: их закаляли, приучали переносить холод и боль; учили бегать, прыгать, метать диск и копьё, бороться, пользоваться приемами рукопашного боя и т.д. **К физическому воспитанию присоединялись музыка, пение и воинственные религиозные танцы.** Особенностью спартанской педагогической системы было соединение нравственного и политического воспитания во время специальных бесед государственных руководителей с молодёжью, которой они рассказывали о стойкости и мужестве предков, о героях Спарты. Учеников приучали к четкости и краткости ответов.

В 18-20 лет знатные мальчики переводились в особую группу эфебов и несли военную службу в течение некоторого времени. В этом возрасте юноши получали дальнейшее усиленное образование, в частности, наряду с физическим и военным совершенствованием они получали музыкальное образование, обучались искусству точно и кратко формулировать свои мысли, лаконично отвечать на вопросы. По преданию, этими способностями особенно славились жители области Лаконии, откуда и родилось выражение «лаконичность».

Важнейшее место у детей обоего пола занимали военно-физические дисциплины, кроме того, детей учили письму, счету.

После окончания курса обучения юноши сдавали итоговые экзамены, главным из которых было испытание на выносливость. На этом испытании выпускников публично секли у алтаря богини Артемиды. Юноши, достойно

прошедшие это испытание, не показавшие страха перед болью, не дрогнувшие и не проронившие ни звука во время экзамена, получали оружие и становились полноправными спартанцами. В одной из многочисленных легенд, свидетельствующих о выносливости спартанцев, говорится о мальчике, который держал на груди под одеждой пойманного лисенка и смог ничем не показать боли, когда лисенок грыз и раздирал его тело.

Сpartанскоe воспитание девушек проходило в более мягком варианте. Тем не менее, девушки, наряду с такими предметами, как домоводство, обучение искусствам, также получали курс военно-физической подготовки, в частности, направленной на укрепление собственного здоровья и здоровья будущих детей. Девушки должны были тренировать свое тело, закаляться, заниматься спортом.

Итак, подведем итоги: **СПАРТА (ЛАКОНИЯ) (VII в. до н.э.), воспитание носит государственный характер, цель воспитания — подготовка воинов.**

Девочки

- 1) физическое и военное воспитание:** бег, метание копья и диска, прыжки;
- 2) умственное и нравственное воспитание:** пение, чтение, счет, письмо.

Мальчики:

- 1) До 7 лет — воспитание в семье;**
- 2) с 7 до 18 лет — воспитание в агеллах.** Руководитель агеллы — **педоном;** лучший ученик — **эйрен:**

Физическое воспитание:	Военно-гимнастические упражнения:	Нравственное и политическое воспитание:
закалка, привычка к лишениям (голод, холод, жажда), умение переносить любую боль	бег, прыжки, метание диска и копья, борьба, рукопашный бой, пение воен. песен	Беседы полит. деятелей с молодежью. Развитие лаконичной речи

- 3) с 18-20 лет — перевод в группу **эфебов** и несение военной службы;
- 4) 20-30 лет — **мелэйрены** (участие в руководстве по воспитанию молодежи);
- 5) 50 лет — участие в решении государственных вопросов;
- 6) 60 лет — **кандидат на должность правителя Спартой.**

В отличие от строгого спартанского воспитания **афинская школа имела скорее гуманитарную специфику.**

В Афинах в V-IV веках до н.э. **формировался тип образования, в котором не было резкой милитаризации обучения.** **Идеальным человеком, сбалансировано прекрасным в физическом и нравственном отношении, для афинской педагогики был человек, стремящийся к сочетанию умственного, нравственного, эстетического и физического воспитания.**

Упор делался на начальное воспитание в семье, на **музыкальные и грамматические школы, гимнасии, эфебию.**

Примерно **до 7 лет** дети воспитывались дома. С 7 до 13-14 лет они обучались у грамматиста и кифариста. Занятия вели учителя-дидаскалы. В школы молодых афинян сопровождал раб — педагог (букв. «детоводитель»). От данного термина получила свое название наука о воспитании и обучении. У грамматиста детей обучали читать, писать, считать. Кифарист давал литературное и эстетическое образование, преподавая музыку, пение, декламацию (читались, повторялись, выучивались отрывки из «Илиады» и «Одиссеи», других классических античных авторов — вплоть до собственных подражаний им). Пение и струнная игра считалась важнейшим показателем образованности и эрудиции, не знающие этого искусства считались недостаточно продвинувшимися в образовании. В 13-14 лет афинского мальчика ждала палестра (школа борьбы). Пятиборье: бег, прыганье, борьба, метание диска и копья, плавание. В палестре велись также беседы по политическим и нравственным вопросам. Наиболее обеспеченная часть молодежи поступала далее в гимнасии, где помимо физического воспитания

изучала философию, политику, литературу. С 18-20 лет знатные юноши переходили в эфебию, где продолжалось их военное и политическое воспитание.

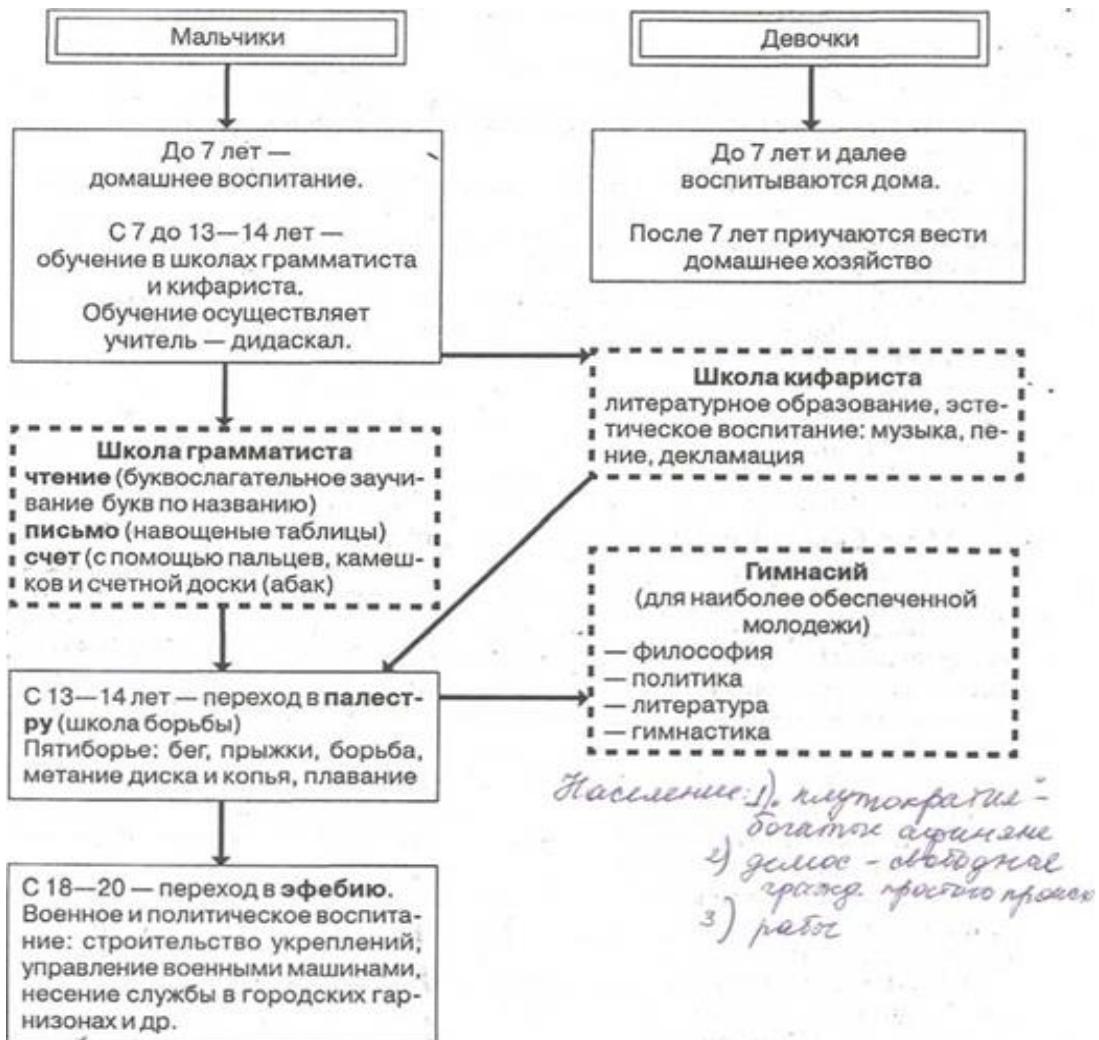
Первый уровень дети до 7 лет проходили в условиях домашнего воспитания. Далее в условиях частного обучения мальчики обучались основам грамоты, чтения и письма (школа грамматиста); обучались музикации, пению, декламации (школа кифариста); более старшие подростки в возрасте 12-16 лет занимались пятиборьем (бег, борьба, прыжки, метание копья и диска) и гимнастикой. Следующий уровень образования был связан с занятиями в гимназии, где 16-18-летние юноши из знатных семей приобретали знания в области философии, политики и литературы. Наконец, высшее образование юноши 18-20 лет получали в эфибии, где они более глубоко изучали политику, законы Афинского государства и военную науку.

Итак, подведем итоги:

АФИНЫ (АТТИКА) (V в. до н.э.) — расцвет афинской культуры, развиваются науки: философия, естествознание, математика, история, искусство, скульптура, архитектура, живопись.

Цель воспитания — всестороннее и гармоническое формирование личности.

Система школ:

В V в. до н.э. в Древней Греции назрела необходимость осмыслиения в рамках философии такого важнейшего явления социальной жизни как воспитание необходимых полису граждан. Эмпирический материал был богат и разнообразен, центры обучения возникли и функционировали почти во всех городах античного мира. Нерасчлененные еще научные знания концентрировались в натурфилософских системах, в содержание которых вплетались и педагогические идеи.

Уже в VI в. до н.э. в Древней Греции начали складываться философские школы. В Афинах и других городах Эллады в конце V – начале IV в. до н.э. **свои частные школы открывали странствующие учителя мудрости – софисты**, сведущие, прежде всего, в области красноречия и логики. Софисты «мудрецы» **расширили программу образования** за счёт изучения

грамматики, диалектики, обучению искусства спора. Затем были добавлены ещё четыре: арифметика, геометрия, астрономия и музыка, что составляло в целом семичастную «эн-киклок-пацдейу» (энциклопедию), которая оказалась предтечей программы «семи свободных искусств», явившейся символом образованности вплоть до Нового времени.

Первые софисты считали своим основным призванием преподавание **красноречия – риторики**. По их суждениям, овладевая искусством риторики, человек приобретает умение завоевать на свою сторону мнение большинства, т.е. угадывать смысл общего блага. Крупнейшим представителем философии софистов являлся **Сократ**. Его главное дидактическое достижение – **майэвтика «повивальное искусство» - диалектический спор**, подводящий к истине посредством продуманных **наставником вопросов**. Суть педагогических суждений Сократа составляет тезис о том, что главной среди жизненных целей должно быть нравственное самосовершенствование. По Сократу, человек является обладателем разумного сознания, направленного на добро и истину. Он один из основоположников учения о добродой природе человека. Природные способности человека Сократ связывал с правом на образование. Сократ – родоначальник диалектики как метода отыскания истины путем постановки наводящих вопросов – так называемого сократического метода. Главной задачей наставника Сократ считал пробуждение мощных душевных сил ученика. Беседы Сократа были направлены на то, чтобы помочь «самозарождению» истины в сознании ученика. В поисках истины ученик и наставник должны находиться в равном положении, руководствуясь тезисом: «Я знаю только то, что я ничего не знаю». С именем Сократа связано становление развивающего, гуманистического подхода в образовании, направленного на изучение и развитие личности, становление эвристического метода обучения, диалогического подхода в образовании.

Римская культура **не сразу приняла школу**. Традиционная римская культура, опиравшаяся на идеал крестьянина-воина, требовала, чтобы дети получали образование у себя дома и не подвергались раннему растлевающему влиянию общества. **Лучшими учителями считались собственные родители**. Традиции частного семейного образования были чрезвычайно сильны в культуре Древнего Рима на всем протяжении ее истории.

Школы в Риме начинают развиваться после завоевания Римом Греции во II в. до н.э. Римские школы делились на **школы грамматиста** (или «литератора», обучавшего знанию «литер», то есть букв - это начальное обучение), грамматика (язык и литература, «средняя школа»), **оратора или ритора** («высшее образование»).

Грамматисты обучали разные слои свободного населения. Небогатые и незнатные часто не шли далее приобретения умений читать, писать, считать, знакомства с законами, с историей страны и с **самыми главными памятниками словесности**.

В **грамматических школах** обучались дети более привилегированных родителей. Изучался греческий язык, риторика, математика, философия, этика, литература. Особенno была важна необходимость овладения ораторским искусством, поскольку в условиях античной гражданской общины многое в карьере человека, в авторитетности его семьи зависело от того, мог ли он публично защищать свои интересы, и на каком уровне мастерства ему удавалось это делать.

Высшим уровнем обучения свободных римских граждан, не занимавшихся ремеслом, стали **школы риторов (ораторов)**. В них учили риторике, философии и правоведению, греческому языку, математике, музыке, чтобы последовательно занимать в республике все более ответственные должности (в течение жизни каждый гражданин должен был пройти определенный цикл общественных должностей; это было его правом и обязанностью одновременно).

Со временем возникновения Римской империи императоры превратили грамматические школы и школы риторов в государственные школы, задачей которых являлось подготовка преданных императорской власти чиновников.

Античный тип цивилизации дал миру представление о педагогике как отдельной области не только практического, но и теоретического размышления. Немало философов временами специально концентрировали свое внимание на природе человека и воспитания, границах и возможностях обучения, педагогических целях и идеалах, на вопросах совершенствования практики воспитательного процесса.

Среди них одним из первых стоит **Пифагор (570/540-500 гг. до н.э.).** Он составил своеобразный свод правил нравственного поведения. Приведем несколько пифагорейских изречений дидактической направленности: «Правильно осуществляемое обучение должно происходить по обоюдному желанию учителя и ученика», «Всякое изучение наук и искусств, если оно добровольно, то правильно достигает своей цели, а если не добровольно, то негодно и безрезультатно».

Гераклит (ок.520 – ок.460 гг. до н.э.) высказывался об обучаемости человека нравственности как неотъемлемом антропологическом свойстве («всем людям дано познавать самих себя и быть целомудренными»), о разуме и чувствах как орудиях познания, о разуме как главном критерии истинности познания, необходимости познавать сущность, а не только факты («мудрость в том, чтобы знать все как одно», «многознание уму не научает») и др.

К первым философам Древней Греции, занимавшимся проблемами воспитания, относится также **Демокрит (ок.460-ок.370 гг. до н.э.).** Демокриту принадлежат утверждения, оказавшиеся чрезвычайно плодотворными для будущего развития педагогической мысли. Например, в его системе придавалось серьезное значение природосообразности воспитания. Философ считал, что хотя воспитатель формирует и изменяет человека, тем не менее, его руками действует природа, ибо человек является

ее частицей - “микрокосмосом”. Он настаивал на огромном значении воспитания, считая, что именно оно ведет человека к обладанию тремя божественными дарами: “хорошо мыслить, хорошо говорить, хорошо делать”. Демокрит подчеркивал, что главное не количество полученных знаний, а воспитание интеллекта. Рассматривая обучение как трудную работу, и идя в этом вслед за учителями Древнего Двуречья и Египта, он полагал естественным прибегать к принуждению в отношении учащихся: “Если бы дети не принуждались к труду, они не научились бы ни грамоте, ни музыке, ни гимнастике, ни тому, что укрепляет добродетель - стыду”. Естественно, Демокрит советовал добиваться педагогических результатов не одним лишь принуждением. Следуя принципу самостоятельности действий свободной личности во славу своего полиса, он предлагал формировать стремление постигать неизвестное, воспитывать в детях чувство долга и ответственности: “Наихудшее из того, чему может научиться молодежь, - легкомыслию”.

Важную роль в развитии педагогической мысли Античности сыграл самый известный ученик **Сократа** Платон (427-347 гг. до н.э.), сохранивший образ учителя, поскольку Сократ не записывал свои воспитательные беседы. Педагогическая деятельность была органической частью творческой жизни Платона. Педагогическая тема присутствует во многих сочинениях Платона: “Диалогах”, “Государство”, “Законы”, и др. Основанное Платоном в Афинах учебное заведение - Академия - просуществовало более тысячи лет. Платон рассматривал воспитание как могучий, но не всесильный способ формирования личности. Педагогическое воздействие ограничено сложной и противоречивой природой человека, в которой сплетены воедино свет и мрак, добро и зло.

В трактате “Государство” Платон, говоря об идеалах и программе разностороннего воспитания, по сути, развивает афинскую педагогическую традицию. Он полагает, что надлежит обеспечить “для тела гимнастику, для души музыку”. В трактате “Законы” Платон изложил свои педагогические

воззрения, особенно выделив социальные функции воспитания - “сделать совершенным гражданином, умеющим справедливо подчиняться или начальствовать”. Платон полагал, что при обучении следует обеспечить “свободу призыва”, т.е. учитывать личные склонности (сегодня это именуется дифференциацией образования сообразно призванию человека и общественным потребностям). Однако воспитание должно быть организовано государством, и отвечать интересам господствующих групп. Платон выступал за жестко и детально контролируемое общественное воспитание с самого младшего возраста. С 3 до 6 под руководством особых воспитательниц дети должны заниматься играми. С 7 до 12 лет их ждет государственная школа: чтение, письмо, счет, музыка и пение; с 12 до 16 – палестра (школа физического воспитания); а с 16 до 18 лет финальное изучение арифметики, геометрии и астрономии для тех, кому они нужны практически. С 18 до 20 лет – эфебия (военно-гимнастическая подготовка). С 20 лет не проявившие умственные способности становятся воинами, занимаются хозяйственными делами.

Другие, выказавшие особую усидчивость и способности, до 30 лет углубленно изучают, арифметику, геометрию, астрономию, теорию музыки. Согласно Платону, эти дисциплины открывают ученикам доступ к философии, а последняя есть путь к высоким и ответственным государственным должностям. Проявившие исключительные дарования продолжают философское образование еще 5 лет и становятся правителями государства. Платон считал, что государства достигнут благополучия, если власть в них будет принадлежать ученым и мудрым людям или же если правители посвятят себя изучению наук и мудрости. Такое соединение власти и мудрости может принести государствам благополучие. До сих пор идет серьезная полемика между теми, кто считает такую педагогическую систему демократической и открытой, и теми, кто видит в ней отдаленное предшествование педагогики фашизма и тоталитаризма вообще с отделением народа от правителей еще на стадии детства и юности.

Ближайшим учеником Платона стал Аристотель (384-322 гг. до н.э.). В своих философских и педагогических трудах он, с одной стороны, развил идею учителя, но, с другой - во многом занял противоположную этим идеям позицию. Аристотель поднимал наставника на самую высокую ступень в обществе: “Воспитатели еще более достойны уважения, чем родители, ибо последние дают нам только жизнь, а первые - достойную жизнь”. Помимо того, что он сам преподавал и руководил школой, Аристотель заложил важные предпосылки теоретического осмыслиения воспитания и обучения как онтологии бытия человека. Не менее важна мысль Аристотеля о необходимости включения знания о единичном в систематическое знание об общем.

Наиболее системно взгляды Аристотеля на воспитание и образование изложены в трактатах “Политика” и «Никомахова Этика» (написанное им сочинение «О воспитании» не сохранилось). Аристотель придавал первостепенное значение общественному, государственному воспитанию. При этом утверждалась целесообразность равного (“однородного”, “тождественного”) воспитания для свободного населения в идеальном государстве. Аристотель допускал домашнее воспитание в традиционных формах до 7-летнего возраста под началом отца в семье. Однако настаивал, чтобы семейное воспитание находилось под присмотром государственных чиновников. Начинать воспитание школьника предлагалось с “заботы о теле”, а затем “заботиться о духе”, чтобы “воспитание тела способствовало воспитанию духа”. Гимнастика должна была привести организм ребенка в готовность для трудового процесса и усвоения знаний. Цель воспитания, согласно Аристотелю, в развитии высших сторон души – разумной и волевой. Семейное и общественное воспитание должны быть взаимосвязаны. В общественном воспитании физическому следует хронологически быть первому, а затем должно подключаться умственное. Содержание преподаваемых наук опирается на их систематизацию, на возможности и жизненные цели ученика. Аристотель оказал огромное влияние на

философскую и педагогическую мысль Античности и Средневековья. Его трактаты по логике, музыке и др. сами служили учебными пособиями в течение многих столетий либо становились методологическими руководствами для создания пособий. Аристотель получил в средневековой педагогической традиции почетный «именной титул» Философ – если его произносили, можно было не упоминать имени: всем было понятно, о ком идет в данный момент речь.

Римская концепция воспитания складывается в эпоху постоянных войн за территории, которые вел республиканский Рим V – I вв. до н.э. Среди качеств, которыми должен обладать истинный римлянин, - решимость и деятельность, ради которой и создан человек, гражданственность, доблесть, дисциплина, благопристойность и благоразумие, умеренность. Обучение тесно связывается с моральным воспитанием, и эта связь станет впоследствии основным мотивом философии образования в Риме. Важнейшей добродетелью гражданина являлось “мужество”, “храбрость” (*andreia*, андрейя). Ее можно воспитать, например, охотой, поскольку на ней молодой человек побеждает собственные слабости – физические и психологические. Уже Ксенофонт высоко оценивал охоту, поскольку она помогает в “воспитании характера”, формированию “отношения к жизни”. «Охота – лучшая подготовка к войне. Она учит человека презирать низменные удовольствия и делает его справедливым и самодисциплинированным”. Значение охоты как элемента “пайдей” – этико-психологическое.

Римская педагогика, как и греческая, стремиться воспитывать человека для участия в общественных делах. Греческая *paideia*, пересаженная на римскую почву, преследовала две основные цели: во-первых, это нравственное воспитание человека, формирование его характера и личности, предполагающее высокие нравственные нормы, и, во-вторых, - общественное воспитание, или воспитание будущего гражданина (в данном случае гражданский идеал принимает форму гражданина-воина).

Два способа воспитания (старое римское и новое греческое) взаимно дополняли друг друга: римское готовило к практическому ведению дел в семье и государстве, в то время как греческое привнесло понимание духовной и моральной ответственности людей друг перед другом; таким образом, их сочетание давало возможность сформировать лучший характер. Речь идет не об отрицании всего традиционно-римского, но о сочетании его с лучшими из греческих новшеств в интеллектуальной и моральной сферах. Целью такого сочетания будет формирование “лучшего характера”.

Юношу нужно воспитать так, чтобы он выполнял предъявляемые к нему требования не из страха, а по собственной воле. Определенный ущерб от свободы, предоставленной воспитаннику, в итоге возмещается за счет той ответственности, которая формируется в его характере в ответ на доброту воспитателя, и которую скорее достигнешь “стыдом и чувством чести”, нежели страхом. Античная воспитанность - это самоконтроль, а не контроль со стороны других. Основной задачей воспитания по Теренцию является создание воспитателем таких условий, при которых его подопечный воспитывал бы себя сам.

Становление римской педагогической мысли, в недрах которой развивались педагогические идеи, происходило под сильным влиянием эллинской традиции.

Одним из первых представителей римского просвещения был *Катон Старший* (234-149 гг. до н.э.). Будучи эллинофобом, он, тем не менее, опирался на греческие каноны при составлении римской риторики. Катон особенно настаивал на продолжении римской традиции домашнего воспитания. Противостояние старого, традиционного воспитания (Катон Старший) и воспитания «по-гречески» после II в. до н.э. делается «общим местом» римской педагогики. Проникновение в Рим греческого языка и литературы и идей, с этим связанных, встретило серьезную оппозицию. Трижды сенат выносил постановления, направленные против философов и риторов.

Катон боялся, что молодежь, наслушавшись иноземных учителей, собьется с правильного пути и поставит на первое место славу своих речей, а не поступков, предпочтет слово оружию. Поэтому он потребовал высылки из города знаменитых философов; по его мнению, эти учителя должны вернуться в свои школы и читать лекции греческим детям, а римских оставить в покое на попечение их собственных законов и обычаяв.

Вопрос “куда пойти учиться” оказался отнюдь не тривиальным. Ответ на него разделил римскую культуру на два оппозиционных лагеря, при этом консервативная идеология “традиционистов” волновала умы римских интеллектуалов ничуть не в меньшей степени, нежели новаторские идеи филэллинов.

Традиции римского и греческого воспитания отразились во взглядах мыслителя и политика *Цицерона* (106-43 гг. до н.э.). Под влиянием греческой философской традиции Цицерон рассматривал душевную жизнь человека как сложный поток меняющихся состояний. Человека толкают к гибели вспыльчивость, жадность, похоть, помутнение разума. Но есть силы, которые дают надежду и препятствуют его гибели: это - всепобеждающий разум и чувство благоразумия. Поощрить развитие таких сил, прежде всего, должна семья, полагал Цицерон.

Цицерон - центральная фигура в римской философии образования. Перевод греческого *paideia* на латинский язык, данный Цицероном в 62 г. до н.э., заключает в себе его философию образования. Термин *humanitas* остался не только в истории римской античности или латинского языка, но перешел в другие культуры и европейские языки. Основные значения *humanitas* у Цицерона: образование; проявление благородства, доброго отношения к людям, человечности», т.е. «мягкость образованности»; цивилизованное общество; «человеческая природа»; культурность, воспитанность, вежливость, хорошие манеры в обществе.

Мечтою Цицерона было превратить сады Академии в общественный парк, открыть ее фонды для всеобщего доступа путем широкого

просвещения. Он возлагал образовательные задачи на философию. Философия включается в контекст образования и учебных дисциплин. Все науки, которые необходимы для образования, сцеплены между собой философией или, по-гречески, мудростью.

Связь образования и морали была ключевой для Цицерона. Согласно данной идеи, воспитывая *образованного* человека, мы тем самым воспитываем человека *нравственного*. Вместе с мудростью в чужих книгах ученик открывает доблесть в собственном сердце. Совершенствуя ум, он одновременно облагораживает душу. Образованность (*humanitas*) есть высокая нравственность и добродетельное отношение человека к человеку, достигнутые посредством возделывания ума и души. На самом деле людьми являются только те, кто “обработан” науками, относящимися к *humanitas*, к образованию.

В образованной душе не может быть ничего дикого, ничего бесчеловечного. Только тот человек, кто получил соответствующее образование при изучении высоких наук и, прежде всего, философии, с помощью последних возделал свою душу так, что научился благожелательному отношению к другим людям, и в силу самого этого отношения образовал с ними единое человеческое общество, в полной мере отвечает требованиям человечности. Необходимо разуть искры, заложенные в человека природой, разжечь пламя, которое осветит путь всем одиноким путникам, иными словами, необходимо *просвещение*. Задача образования – приучить человека добровольно делать то, к чему его принуждают законы. Образование есть самый идеальный механизм принуждения. Вместе с образованием каждый человек в государстве получает “прививку” идеального гражданина. Лучший способ принудить к поступку – это сделать его добровольным. “Педагогический оптимизм” античного философа позволял Цицерону надеяться на греческое образование как на универсальное лекарство от порока. Добиться нравственной чистоты осуществимо только через воспитание и образование. Образованность

понималась в античном образовании как “негласный закон” личности, полиса, государства. Обязанности перед согражданами выше обязанностей перед познанием – таков вывод всей античной педагогики, на заре своего становления отвергнувшей искус Сократа.

Влияние Цицерона на более позднюю традицию в образовании было колоссальным. Без Цицерона теперь не может обойтись ни один даже узко специальный педагогический трактат. Цицерона постоянно цитировали и в средневековых педагогических трактатах, несмотря на его языческое происхождение.

Римская философия и педагогическая мысль достигли расцвета в I - II вв. Римский политический деятель, философ и писатель *Сенека* (4 г. до н. э. - 65 г. н. э.), критиковал формализм школьной системы, при которой воспитывается “ум, но не душа”. Он считал, что образование должно формировать прежде всего самостоятельную личность (“пусть говорит он (ученик) сам, а не его память”). Проблемы нравственного воспитания изложены Сенекой в “В письмах на моральные темы” и в “Нравственных письмах к Луцилию”. Творчество Сенеки фактически является собой *критику образовательной концепции Цицерона*. Основным педагогическим текстом Сенеки выступает 88 -е письмо. Автор рассуждает там о корпусе свободных наук. В отличие от Цицерона Сенека отмечает, что добродетель не может быть уделом необразованной души, в необразованных людях обнаруживается лишь материал для добродетели. Сенека замечает, что люди стыдятся учиться благоразумию. Однако нечего надеяться, что такое благо сможет попасть в душу случайно. Необходимо заниматься и начать облагораживать и исправлять душу прежде, чем она укрепится в пороке. Обычных школьных наук для этого мало. У грамматика римский философ не находит ничего такого, что прокладывало бы путь к доблести. Неужели повторением слогов, точностью в подборе слов, заучиванием драм, правилами стихосложения и делением на строки можно избавиться от страха, укротить страсти и похоть? Геометрия с музыкой не обладает средствами для

подавления страха и алчности. Вместо того чтобы учить, как согласуются высокие и низкие голоса, лучше бы преподаватель музыки научил, как душе обрести согласие с собой. Геометр знает, что такая прямая линия, но не знает прямого пути в жизни.

Сенека крайне категоричен в своей критике свободных искусств и отказывает этим дисциплинам в самостоятельном значении.

Сенека настаивает на разделении философии (процесс обучения) и мудрости (цель обучения). Он не признает ценности образования, если то не ставит своей целью воспитание добродетели.

Итак, основной образовательной дисциплиной у римского автора выступает философия. Главным критерием ценности образования выступает его моральная значимость. Достойными внимания и изучения оказываются лишь те науки, предметом которых является внутренний мир человека, остальные не играют существенной роли в его воспитательной теории. Гражданский педагогический идеал Цицерона Сенека уже преодолевает; формулируются две разные концепции воспитания – государственно - и личностно- направленные.

Кризис общественно ориентированной античной педагогики постепенно подводил ее к диалогу с возникшим во времена Сенеки христианством. Античная педагогика начинает отходить от доминанты полисных ценностей, формируется представление о ее значимости самой по себе, вне тех целей, которые ставит перед ней то или иное политическое сообщество граждан. Во времена кризиса Римской Империи практики и теоретики образования создают ту его автономность, благодаря которой наследие античной педагогики переживает разрушение античного государства и античного образа жизни. Образованность во времена поздней античности начинает самостоятельное существование, вне политических категорий и целей.

Последним крупным теоретиком и практиком римской философской и педагогической мысли стал *Марк Фабий Квинтилиан* (ок.35. - ок.96). Главное

сочинение Квинтилиана - “Обучение оратора” – первый античный трактат, целиком посвященный педагогическим вопросам и пытавшийся в общих чертах возродить «линию Платона и Цицерона». Квинтилиан говорил, что воспитание должно формировать свободного человека. Ребенок – “драгоценный сосуд”, с которым надо обращаться бережно и уважительно. Здоровое семейное воспитание должно беречь детскую психику, не допускать присутствия детей в ”неблагоприятных местах”. Нельзя прибегать к физическим наказаниям, ибо битье подавляет стыдливость, развивает рабские качества. Книга Квинтилиана явилась первым специальным трудом, где был обобщён опыт обучения, сформулированы требования к учителю и воспитателю, содержались указания на необходимость учёта индивидуальных особенностей детей. Квинтилиан отдавал предпочтение организованному школьному обучению перед домашним. Он ратовал за общедоступность образования, полагая, что все нормальные дети римских граждан достойны получать образование. Вершиной образования он считал овладение искусством оратора и в этом отступал от идей Платона, Цицерона, Сенеки, сближаясь с концепцией риторического образования Исократа. Квинтилиан стал первым римским учителем, официально признанным государством и получавшим от него жалование.

Квинтилиана отличал своего рода «педагогический оптимизм» по отношению к ученикам: «Большинство людей отличаются сообразительностью и способностью к учению. Ведь это так же естественно для человека, как полет для птиц, бег для лошадей и свирепость для диких зверей. Постоянная деятельность и живость настолько свойственны нашему уму, что родиной души считаются небеса. И действительно, тупоумие и невосприимчивость к учению столь же противоестественны, как природное уродство и странная внешность. Такие случаи весьма редки».

Применительно к подготовке оратора Квинтилиан впервые формулирует идею о необходимости для профессионала более или менее

всестороннего образования. Он пытается противостоять развитию аполитичности среди образованных людей, утверждая обращение к древним классикам в качестве способа возродить «государственное звучание» образования. Педагогика самая практическая и в то же время самая мировоззренчески глубокая из всех сторон человеческой жизни. Согласно Квинтилиану, обучение и воспитание нераздельны: «Мы воспитываем совершенного оратора, которым может быть только добродетельный муж, так что от него требуются не только исключительные способности к красноречию, но и все душевые доблести». Так оказалась продолжена основная линия античной педагогической теории: нравы не даются от природы, но почти всем обязаны усовершенствующему их образованию.

Отдаленное приближение кризиса античной педагогики выразилось в актуальности вопроса о соотношении частного и общественного образования, обучения дома при закрытых дверях или в многолюдной школе на публике. Спор в то время лежал не в области профессионального качества образования, но в области нравственности: римлян беспокоил вопрос, не школы ли причина упадка нравов в Империи. Квинтилиан считал, что домашнее образование не меньше застраховано от подобной порчи: «я предпочитаю свет уважаемой общественной школы мраку и уединению частного образования», вдали от людских глаз.

Античная педагогика в древнегреческих педагогических утопиях провозгласила главенство общественного воспитания, его принципиальную контролируемость политическими институтами, и Квинтилиан пытался воплотить это наследие в Риме. Великий Город раньше всегда старался не обращать внимания на нужды школ и учителей. Теперь же его первый «государственный учитель» стремится сделать подготовку граждан государственной профессией, учителя и школу «политическими фигурами». Учитель оказывается деятелем государственного значения: основная наука, которую он преподает, это не грамматика, астрономия, музыка, декламация, и даже не ораторское

искусство как таковое, а это, прежде всего, наука «быть гражданином Рима», быть открытой к общению просоциальной личностью, и именно этой науке «учат в школе».

В I в.н.э. в условиях противодействия Риму и его «государственному воспитанию» на основе ревизии педагогических идей Ветхого Завета складывается и начинает распространяться *новая дидактико-религиозная концепция*, получившая по имени своего основателя название «христианство». Впоследствии в результате взаимодействия с эллинистической образовательной традицией и культурами племенного мира Европы оно станет фундаментом педагогической доктрины Средневековья. Первоначально же христианство относилось к античной системе воспитания и обучения резко негативно.

В условиях римских гражданских войн и политических кризисов в ближневосточных провинциях Римской Империи, там, где частью римский и — более — греческий Запад встречается с Востоком, возникали подспудные, очень странные для римлян течения, формировавшиеся на основе контакта восточных систем образования с некоторыми западными понятиями и идеями. Среди них встречались сторонники иранского бога Митры, иудейских Яхве и Христа, зороастрийского Ахура-Мазды, гноиса как тайного знания, египетских мистических культов Исида и Осириса, пророка Мани и многих иных культов, учений и систем. Они смущали мир античной классики таинственной внутренней душевной работой, независимостью от полиса, государства и императорского культа, который был призван укрепить и спасти распадающуюся Империю, от официальной образованности чиновной бюрократии и свободных граждан, быстро расстающихся в новых условиях со старой идеологией республиканского Рима.

Внутри традиционных восточных педагогических систем продолжала играть основную роль культура писца и культура сакрального знака и текста, божественного как по смыслу, так и по форме. Развитие этой системы, но

уже на новом уровне, мы видим в ближневосточной *педагогике иудаизма*. В ней все было проникнуто высоким смыслом, идущим от внутреннего постижения ритуала изучения Торы и следования ей. Внутренним символическим значением, связью с Абсолютом наполнены в ней все ситуации обучения. Семейный мир — одна из основных педагогических сред в иудаизме — понимается как преграда безбрежному хаосу, беспорядку и пороку, поднимается на высоту храма, а храм "опускается" на уровень дома и школы. Высшее назначение человека — воспитание и совершенствование ума и трансформация знания в мудрость, понимавшуюся как способность различать добро и зло, принимать верные решения, которые должны были быть и правильными, и праведными. Постоянное учение, поиск мудрости в священных книгах и в едином боже стали религиозным категорическим императивом в педагогике Ветхого Завета, распространенной в древней Палестине. Человек неучащий и неучащийся, согласно традиции иудаизма, пренебрегает богом. Свят мудрец, достигший высот божественной науки, свят ученик, следующий путем наставника. Тот же, «кто не учится — на [духовную] смерть обречен», на гнев и пренебрежение со стороны божества. Последователь иудаизма — это "человек учащийся".

Объединение ближневосточной педагогики с системой греческого логико-философского образования породило **раннехристианскую культуру**. Педагогика библейского религиозного откровения и человека как единства духа и тела объединилась с триадой понятий греческой философии "плоть — душа — ум", породив в результате христианское понимание человека как противоречивого соединения тела (плотское), души (психическое) и духа (божественное). Античное противопоставление низменной инертной материи божественному разуму было преодолено христианством через умаление бога до человеческой греховности (воплощением, страстями и смертью Иисуса) и возвышением этой греховности до бога: мир есть божие творение для человека. Христос воспринимается как Педагог и одновременно как Отец (более значимый, чем физический глава римской фамилии) и как Ходатай за воспитуемого. Не только речи, но и сама жизнь Учителя становится предметом нового вероучения и раннехристианской педагогики. Воспитание в ней есть подражание учителей и учеников Христу. Образование — прояснение истины, обучение ее истолкованию, языку знаков, возвещающих божественную мудрость. Постижение истины преображает человека изнутри, просветляет, просвещает его. Если античная образовательная модель направлена на достижение новых результатов в поисках истины, то христианское образование — на прояснение, интерпретацию и истолкование уже явленной и открытой людям истины, ее познание через обучение. Христианская педагогика была обращена внутрь человека и этим противоположна античной системе образования. Именно эта сторона христианского учения привлекала к себе римлян в период упадка империи. Традиционное классическое античное образование стало ощущаться недостаточным. Разрушались государственные устои, разваливалась система управления, расстраивались финансы, рушилась мораль. Человек утрачивал привычные связи внутреннего и внешнего мира. Ему недоставало

внутренней наполненности, и он становился учеником и адептом тайных мистических сект и культов.

Постепенно христианство стало главным оппозиционным императорскому культу и светской власти Рима течением. После безуспешной борьбы с ним, в 313 г. христианству Империей был дарован статус официальной религии. Утверждение официальной Церкви обернулось впоследствии притеснениями с ее стороны язычников и иудеев, аналогичными гонениям на христиан и христианских учителей в I – III вв. Первоначально христианство полагало лишним учить детей мирским знаниям, ибо, согласно его концепции, близко спасение людей всех возрастов — те, кто этого заслуживает, не нуждаются в языческом образовании, в изучении Гомера и «нелепых сказок» об античных богах. Но позднее, с расширением христианских общин и популяризацией движения, христиане оказались перед необходимостью открытия конфессиональных школ. Первоначально это были школы для тех, кто готовился к крещению (cateхуменов). Туда поступали люди, уже получившие какое-то светское образование и потому не требовавшие обучения иным предметам, кроме необходимых для принятия таинства крещения, таинства христианского рождения к новой жизни. Обучение и воспитание в них было обучением праведным поискам бога и личностному взаимодействию с ним. Школы катехуменов выработали ключевой для всего средневековья катехетический вопросо-ответный метод обучения (от греч. "cateхeo" — учить, наставлять устно, поучать, обучать, оглашать).

Став господствующей, христианская Церковь столкнулась с усилившейся в условиях кризиса античного мира необходимостью организации *всего* цикла обучения. На смену проблеме синтеза иудаизма и эллинства пришла проблема взаимоотношений христианского воспитательного комплекса со всем античным (греко-римским) образовательным комплексом. Может ли христианский учитель использовать в преподавании достижения античности? Нужны ли христианину наука,

философия, литература, история, красноречие, если истина явлена ему в Священном Писании? Что можно применять для его толкования, а что нельзя ни в коем случае? Таких и подобных этим вопросов было множество. Ответов тоже было немало. Они подразделялись на две группы: допускающие использование языческой классики в большей степени (как ступени в обучении и познании учеником мира) и в меньшей степени (как злейшего врага).

Христианская педагогика Отцов Церкви отвергает античный индивидуализм и своеволие, не отрицая индивидуальности. Упор делается не на внешнее в воспитаннике — будь то физическое развитие или умственные способности к риторике или литературе, науке или философии, а на внутреннее формирование духовной сущности на основе разума (познание человека, мира, Бога), веры (почитание Бога) и воли (служение Богу и ближнему) либо смирения. Воспитание христианина проходило в условиях постоянного и напряженного общения с Господом, чему способствовали изучение Священного Писания, начинавшееся с Псалтири, размышления о тексте Писания, молитва, проповедь, исповедь и покаяние.

Что же могло быть взято из античного наследия для христианского образования — сознательно или бессознательно? Что переносилось из римского образования в христианское? Самое основное — язык, логика, право, науки. Язык античного Рима стал общеевропейским письменным языком. Его изучение удержало многие школы грамоты от краха и помогло открытию новых. Оно способствовало становлению регулярной латинской школы в Западной Европе, что явилось огромным достижением, как для тех лет, так и в перспективе, поскольку обусловило институализацию передачи и усвоения традиции и накопления в ней в процессе ее трансляции возникавших новшеств. Главным было то, что латынь с момента перевода на нее Библии стала обязательным сакральным языком обучения. Сложившийся в античности язык нес систему понятий, выражений, конструкций, не исчезнувших, несмотря на вульгаризацию латыни, происшедшую в эпоху

поздней античности и раннего средневековья. Кроме того, само обучение латыни почти повсеместно шло с использованием таких пособий, которые включали в себя пространные цитаты из сочинений классических авторов и требовали знания сюжетов античных произведений. Лишь самые большие ригористы типа *Григория Великого* (540-604) решались отвергать и эти пособия, ограничивая обучение текстами Священного Писания и утверждая, что, скорее законы грамматики подчиняются воле божией, чем наоборот.

Сходной роли римской латыни была и роль греческого языка, в восточных регионах христианского мира успешно конкурировавшего с языком имперской столицы. Греческий язык с развитой древнегреческими философскими школами терминологией и дефинициями прочно вошел в состав раннехристианского богословия, определив впоследствии многие существенные стороны византийской образованности. Образность мифопоэтического древнееврейского образования дополнялась в христианстве греко-римской риторической рефлексией, давшей рождавшейся педагогической системе почти все теоретические термины (значение которых, конечно, серьезно переосмыслилось). История античных философских школ (Академия, Ликей, Столя и др.) перерастала в историю христианских епископских кафедр, а бородатые аскетичные философы-язычники сменялись не менее аскетичными священниками.

Через латинский и греческий языки в рассуждения христианских педагогов проникала античная рационалистическая логика. Ученики новых учителей рассуждали о божественном, строго выполняя рациональные логико-юридические правила, разработанные их языческими соперниками, но отвлеченные абстрактные или даже вполне конкретные понятия, умозаключения и выводы обставлялись у них глубочайшей сакрализацией и символизацией нематериальной, но истинной мысли и окружающего материального, но неистинного мира. Вполне в порядке вещей и в духе времени были эмоционально насыщенные споры учителей теологии и богословов о сугубо философских понятиях. Союз христианства и

античности был оспорен после падения Западной Римской Империи в 476 г. и завершения на этом истории античного мира.

Начало нашей эры — время глубочайших кризисов античного мира. Огромная Римская Империя перестала выдерживать собственную тяжесть. Кризисы III и V вв. привели к ее исчезновению на Западе и к превращению к VII в. Восточной Римской империи в Византию. Крушением Западной Римской империи отмечено начало Средних Веков, продолжавшихся до XV в. В воспитании и обучении в эпоху Средневековья переплелись античная, христианская традиции и традиции родоплеменных культур Европы. Период Средневековья охватывает время с V в. по XV в. В нем выделяют: Раннее Средневековье (V- IX вв.), Высокое Средневековье (X-XIII вв.), Позднее Средневековье (XIV-XV вв.). Завершается становление европейской цивилизации в эпоху Возрождения и Реформации (XVI в.).

Человек переходной к средневековью эпохи, естественно, не мог отбросить накопленное предшествующей эпохой научное наследие. Ему нужны были данные и математики, и геометрии, и астрономии и т.д. Но, рассматривая вопрос **о влиянии традиций античной культуры на развитие образования**, о преемственности наук, необходимо иметь в виду три очень существенных момента. Во-первых, в процессе кризиса и краха Римской империи, переселений в течение веков новых племен, завоеваний и социальных катаклизмов многие достижения античной науки оказались утрачены или искажены при передаче и интерпретации.

Во-вторых, эти искажения и до известной степени вторичная мифологизация науки были вызваны также и магической картиной мира родоплеменного сознания, господствовавшего у многих народов, вошедших в контакт с Римом эпохи его падения и построивших на его руинах племенные государства. Такая природа их ментальности сочеталась не только с мистицизмом позднего Рима, но и с христианским мировоззрением. Очень символичное само по себе, оно осмысливало в символической манере и весь окружающий мир, в том числе и достижения научного мышления,

интерпретируя, к примеру, процесс обучения математике с точки зрения пифагоровой мистики чисел, теперь уже связываемых с устройством вселенной христианским Богом.

В-третьих, отношение к образованию церкви — существенный момент в преемственности обучения светскому научному знанию, сконцентрировавшемуся вокруг так называемых *"свободных наук"*, т.е. грамматики, риторики, диалектики (тривиум, букв. «трехпутье» начального обучения) и арифметики, геометрии, музыки, астрономии (квадривиум, математическое «четырехпутье» к познанию высшей философии, т.е. богословия). После долгих споров эти науки устоялись и сохранились в средневековой педагогике наряду с семью рыцарскими добродетелями, семью механическими искусствами и т.д. Однако ригористичные деятели Церкви все время с подозрением посматривали в их сторону. Даже *"приученные"* и христианизированные, они внушали опасение. Наиболее сильно противодействующая им тенденция проявилась в среде сирийских и византийских монахов — духовных учителей и наставников, не желавших примириться с сильным светским влиянием на образование.

Спор о месте наук в **образовании христианина** упирался в вопрос о путях и средствах обучения, о месте обучения в педагогике, об отношении его к воспитанию. В период раннего Средневековья формируются два полярных ответа на этот вопрос, которые просуществуют в веках. Первый ответ можно сформулировать так: познание Бога достигается через познание сотворенного им мира, поступающее к человеку посредством данных ему чувств и проявляющее способности, знания и добродетели, скрытые в нем Господом. Образование пробуждает их, поскольку они внесены Духом Святым при появлении ребенка на свет, но требуют воспитания и наставления, чтобы человек смог осознать это *«благое имущество»*, выданное ему богом в аренду на время быстротечной земной жизни.

Первый вариант — это школьный путь обучения. Второй вариант ответа об отношении к светским наукам отрицает возможность познания Бога принятыми в этом мире способами. Его можно назвать "мистической педагогикой" прямого внимания и диалога с христианским абсолютом. В таком случае учащийся приходит к важнейшей для средневекового образования цели — познанию Бога — не путем науки и веры, а путем веры и любви. И обучение, и воспитание достигаются во втором варианте через непосредственное общение с Богом, через Откровение. Снисходящая на человека благодать рождает состояние богодохновенности, кардинально перестраивающее человеческую душу. Второй вариант — это вариант вне - и даже анти - школьный, вариант монашеской медитации и духовного отшельничества. В VI— VII вв. это течение было весьма распространено среди духовенства, представляя серьезную опасность для школьного типа образованности. Ни первый, ни второй тип обучения почти не встречались в чистом виде. Система воззрений любого средневекового мыслителя — это точка внутри континуума, тяготеющая к тому или другому полюсу. _____

На обширных пространствах Европы в раннее средневековье возникают государства остготов и вестготов, вандалов и бургундов, франков и англосаксов, лангобардов и болгар, славян и венгров. В этом культурно и лингвистически разнородном обществе постепенно формировалась сфера общеизвестных и общепонятных идей, идеалов, целей воспитания, представлений о содержании и методах обучения, складывались средства общения между учителями и учениками. На Востоке бывшей империи победил и утвердился греческий язык. На Западе — "народная латынь" — искаженный и упрощенный по сравнению с классической латынью язык.

Раннесредневековая латынь стала разговорным языком не только романских народов, но и образованных людей из галлов, германцев и других западноевропейских этносов. Письменность на латыни (и на греческом) существовала отдельно от повседневной языковой практики на местных языках, которые в ряде мест продолжали сохраняться и даже создавали

собственные алфавитные системы, фиксировали свои тексты. Сложность и пестрота языковой ситуации привели впоследствии, в эпоху развитого средневековья, к распаду регионов латинского (и в меньшей степени — греческого) языкового господства на этнонациональные территории с новыми языками, возникшими на основе латинского, но с учетом местного субстрата. Сами же латынь и греческий остались языками "профессорскими", языками высокой учености и интеллектуальной игры.

Таким образом, в синтезе родоплеменных обществ, античности и христианства складывалась смешанная педагогическая среда, породившая, в конце концов, средневековую систему образования.

На Западе ее создание приходится на эпоху *Каролингского возрождения* VIII—IX вв. и непосредственно следующее за ней время. До этого времени проблема образования не вставала во главу угла государственной политики в варварских королевствах. Каролингское возрождение — одна из важных точек в истории развития образа средневекового человека и педагогических механизмов его формирования. Процесс формулирования средневекового педагогического идеала был начат двумя с половиной столетиями раньше в независимых от папского Рима ирландских и британских монастырях. На фоне разоренной нашествиями германцев Европы они являлись центрами учености. Ирландскими проповедниками и учителями основано большинство старейших европейских монастырей. Ученые наставники с Британских островов знали и ценили как Библию, так и античные сказания, как местный народный эпос, так и сочинения Отцов Церкви. Они создали модель монастыря как центра образования и культуры там, где латинский язык и латинская культурная традиция были чужими.

В условиях отсутствия опыта античной церковной жизни в окружении языческих греко-римских школ были сформулированы принципы средневекового образования для регионов, где не было античного наследия и не распространялось ранее школьное знание классических времен. Они же

проявили искренний интерес и к античному образованию, к классическим художественным и научным произведениям как к инструментам понимания христианского вероучения в регионах, еще не охваченных новой религией. Процесс внутреннего обустройства, шедший во франкском государстве, одном из самых значительных в то время на континенте, привел к смене ослабевшей династии иной, получившей в истории название Каролингской. Это произошло в середине VIII в. Новые правители энергично взялись за государственное строительство. Для этого потребовалось большое количество образованных людей, как на светские, так и на церковные посты. Необходимо было создавать новую социальную группу — "грамотеев", отсутствовавшую в племенной традиции народа франков. Сделать это можно было, лишь кардинально изменив господствовавшие в королевстве франков педагогические системы воспитания молодежи. Как самый энергичный реформатор вошел в историю *Карл Великий* (742— 814), в 800 г. короновавшийся на Западе римской имперской короной впервые после свержения в 476 г. последнего собственно римского императора. Карл, сам выучившийся читать лишь после 40 лет, оказывал сфере образования большое внимание. Учительный пафос христианской доктрины Карл стремился превратить в государственную политику. Отовсюду приглашаются преподаватели. Он основал дворцовую школу вместе с узким кружком ученых и наставников, среди которых выделялся *Алкуин* (ок. 735 - 804). По его убеждению в образовании "традициям католических учителей" помогают знания светских наук: "Как бы в виде некоторого основания должна передаваться нежному детскому возрасту грамматика, также и другие дисциплины философского поощрения, при помощи которых, как по ступенькам мудрости, можно достигнуть высочайшей вершины евангельского совершенства".

Учитывая это, Карл издает свои знаменитые и очень спорные с точки зрения их реального исполнения распоряжения о повсеместном развитии **школьного обучения** при епископствах и монастырях.

Планировалось обучение клириков и мирян, создание школ для тех и других, но реально реформы коснулись лишь первых. Конечно, не эти декреты, а дух времени наконец-то соединил еще разрозненные прежде элементы новой педагогической системы раннего средневековья в новую, средневековую педагогическую идеологию. Сложившись в Каролингское время, она просуществовала, совершенствуясь, вплоть до XI в., до крестовых походов и утверждения схоластики.

Влияние христианства на развитие образования, воспитания и педагогической мысли. Средневековая педагогика исходила не впрямую от человека, но из божественной определенности его развития. Эта определенность была двух типов — человека как звена в природной иерархии, т.е. человека как такового, как бы самого по себе перед Богом, что было для многих европейских обществ с их родовыми традициями открытием, — и человека как занимающего также определенное место, но уже в социальной иерархии, т.е. как представителя сословно-корпоративного устройства средневекового общества, имевшего множество субкультур и групповых обычаев, традиций, норм воспитания, способов и методов обучения. Таким образом, с одной стороны, возможно, реконструировать средневековую религиозную монопедагогику, единую для всей эпохи и всего общества, как бы их базовое основание; и множество отдельных "педагогик" — с другой. В качестве таких особых "вариантов" выступают: сословные педагогические субкультуры (крестьянская, рыцарская, монашеская, городская и другие педагогические субкультуры) и корпоративные (воспитание и обучение ремесленников, купцов, ученых и т.д.).

Например, средневековая европейская деревня, сформировавшаяся после краха империи и варварских переселений, вовравшая в себя не менее 95 % всего населения, жила в традиционном цикличном ритме, в отличие от замка и города. Сменяющие друг друга поколения обучали и воспитывали детей, вовлекая их в сезонные процессы жизнедеятельности аграрного общества по мере взросления последних. Дети и люди в целом являлись как

бы частью окружающей природы и всеобщих процессов рождения, взросления, старения и умирания. Христианизация деревни часто была весьма поверхностной и накладывалась на более глубокую традиционно-бытовую педагогику архаичного общества, образуя так называемое "народное христианство" с обилием сакрально-мифологических и магических представлений о человеке и о факторах, влияющих на его правильное становление и развитие. Педагогические идеалы черпались из мифов и легенд, наполненных образцами "героического детства": их главные эпические герои с младенчества совершают великие подвиги. Впоследствии этот пласт идеалов героического детства займет место и в рыцарской культуре, вобравшей в себя много архаичного. В процессе распада единых племенных общин на людей воюющих и людей пашущих в повседневной деревенской жизни героические воинские образцы уже не находили отклика в душе пахаря, что изменило и отчасти обеднило деревенскую культуру.

Творческими "лабораториями", "мозговыми центрами" по выработке воспитательной теории в полуразрушенной варварами Европе оказались монастыри, епископские кафедры и — реже — ученые кружки при королевских или иных знатных особах. Во всех этих культурных центрах были наставники-педагоги или целые школы, достаточно регулярно функционировавшие. Раннее средневековье почти не знало чисто педагогической деятельности, школ как таковых функционировало очень мало. Образовательная деятельность совмещалась с духовной или, в некоторых случаях, светской миссией или службой.

Теоретические трактаты средневековья оказываются одновременно обращены на человека вообще (внесословны) и чрезвычайно практическими. Учить мыслить — в то время означало учить жить; учить чувствовать — означало воспитывать одухотворенность ежедневного поведения. Если сочинения античных авторов наполнены многознанием, искрятся цитатами классиков, именами мифологических, легендарных и исторических персонажей, то с переходом к патристике и к раннесредневековым авторам

количество цитации и упоминаний имен резко падает. Цель наставления и обучения не многознание. Оно суетно, посюстронне, часто отвлекает от сосредоточенности на праведном и увлекает на неверный путь. Это суетное любознайство, любопытство. Истинное же воспитание и обучение требуют, по мнению средневековых педагогов, любомудрия, неспешного и вдумчивого диалога с божественно устроенным миром, с самим божеством.

Цель средневекового образования — научить, прежде всего, *Страху Божию*. Он есть начало того длинного пути, который ведет к Премудрости. Средневековые комментаторы разъясняют, что это страх того же рода, как тот, который мы испытываем, боясь досадить чем-либо горячо любимым людям, своим близким. Страх и любовь одновременно. К такому страху воспитанник идет длинным и тяжелым путем, начинающимся на кончике розги его первого учителя. Все средневековые педагоги считали необходимым организовывать первый этап обучения в большой строгости для дисциплинирования воли, уничтожения гордыни и приобретения опыта постижения, почитания и следования господу. Страх Божий очищает и преображает человека. Человек вспоминает вложенное в него Богом доброе начало. Он постоянно совлекает с себя "ветхого", т.е. плотского, человека, отрещась от страстей и порочных желаний и помыслов. Постепенно в процессе воспитания рождается "новый" человек, не обремененный низменным и темным.

Средневековая культура — культура симвлических соответствий и аналогий. Стройными цепочками сопоставлений пронизано для человека того времени все мироздание. И, конечно, это относится к его представлениям о самом себе — наисложнейшем и наивысшем существе этого мира, носящем в себе и всю "земную" вселенную, и образ Божий. Как микрокосм человек отражал макрокосм общего бытия и был с ним теснейшим образом связан во всех своих проявлениях, в том числе и в том, что называется ростом и воспитанием. Рост человека, степень и последовательность развития его качеств управлялись господом посредством

круговорота и развертывания этого мира. Правильная последовательность в обучении и качества наставников, условия вскармливания ребенка и истинное содержание его образования, происхождение и человеческие качества родителей, жизненное окружение — все это (и многое другое) составляло неразрывный и органичный педагогический комплекс внешних воздействий, внешние условия воспитания.

Качества души и ее отношения с телом, роль в этом рассудка; способности ума к дисциплине, а памяти — к тренировке, чувства — к сопереживанию, любви и страху; способность к аскетизации воли; способность *вспоминать* Божественное в самом себе — все это составляло внутренние условия средневекового христианского воспитания. На них также оказывал воздействие бог — прежде всего через церковные наставления, молитву, проповедь, исповедь, покаяние и непосредственную связь с сознанием индивида. Педагогический процесс определяло отношение ученика к богу — создателю и творцу всего сущего, спасителю мира. А потому воспитание должно начинаться с самых первых минут жизни ребенка и продолжаться до последних ее мгновений. Силу средневековой религиозно-педагогической традиции составляла идея *всеобщей учительности*. На фоне такой учительности средневековой культуры образование — это не только овладение суммой знаний, "которые выработало человечество". Образование в средневековье — построение самого себя как образа Божия. Ученик не отстранен от предмета изучения, воспитание и обучение его слиты воедино, они проходят по божественным образцам. Изучая мир, его мельчайшие детали, обучаемый удивляется ему как храму божьего творения.

Истинное обучение в средневековом понимании данного слова — это ведение ребенка путем добра, осененным благодатью. Все науки и ремесла говорят средневековому ученику о самих себе и в то же время совсем не о себе, а о целом, о вселенной как книге божественной премудрости, о

человеке и заповедях его поведения, о боге и его неизменном внимании к людям.

В чем же состояло неразрывно связанное с воспитанием средневековое обучение и как оно достигалось? То, чему нужно учить, делилось как бы на два плана. Первый — то, что относилось к земному миру. Второй — то, что относилось к миру небесному. Истинен и бесспорен авторитет второго, но его трудно достичь и постичь без прохождения, без тщательного изучения первого. Первый план образования (после начального изучения основных сведений о двух мирах, о боге, творении и т.п. — с помощью азбучных молитв и псалтири) составляли науки о земном, весь цикл светского общего и профессионального образования, опиравшийся на семь свободных искусств и начинавшийся с языка и чтения, а заканчивавшийся постижением философии. Вся земная мудрость считалась ступенью к высшей, неземной мудрости неизреченного человеком Слова, и в этом была ее великая роль: статус служанки теологии украшал любую учебную дисциплину.

В пределах второго плана царили богословие, теология, имеющие предметом своего изучения сверхсущее и сверхмыслимое. Но второй план парадоксальным образом пронизывал первый, будучи скрыт за каждым его проявлением: через «этот мир» средневековый человек должен был научиться видеть «мир тот». Есть арифметика небесного и символическая орфография и грамматика священного текста. В процессе обучения второй план постепенно все более и более просвечивает из глубины первого. Даже при обучении школьара самому практическому знанию постоянно подчеркивались наличие второго, запредельного плана и необходимость ориентации на него как на конечную цель.

Средневековое обучение никогда не было обучением только словам — их собственному строю (чтению, письму, грамматике, риторике и др.), тому или иному умению и практическому операциональному знанию (ремеслу, искусству, науке, логике, диалектике, философии). Истинное,

подлинное, *пределное* и высшее знание как цель обучения — не в словах. Для человека Средних Веков оно *засловно*, поскольку неизреченно, невыразимо полностью в словах «просто языка». Прошедшему предварительный курс обучения оно открывается с помощью благодати, ниспосланной господом. Изучаемое в обычных школьных курсах, будучи определенным образом направленным, способствует, как считали средневековые дидаскалы, постижению непостижимого до конца бога, обретению высшей мудрости. Даже у библейских текстов, изучавшихся в школах, было четыре уровня интерпретации: буквальный, аллегорический, моральный, мистический.

Проблема роли и значимости слов, выразительности и обучаемости истинному знанию, выбора путей книжного или внекнижного (путем мистического озарения и чудесного соединения с божеством) воспитания в западноевропейской средневековой педагогике, как и в других педагогических системах, — одна из центральных. Западное христианство, наследуя традиции Отцов Церкви, признавало высокую роль словесно-книжного обучения. Слова приводят индивидуальное сознание к пониманию внешнего мира и к актуализации идей, изначально вложенных творцом в человеческий разум. Такова позиция, например, такого католического авторитета, как *Аврелий Августин*, прозванный *Блаженным* (354 – 430).

Сакрализация образования проходила, особенно на латинском Западе. Рационализм вторгался даже в святая святых — в церковное образование. Например, в "Деяниях Карла Великого" Санкт-Галленского монаха *Ноткера Заики* (840-919 гг.) обязательно подчеркивается степень учености того или иного персонажа. Основной целью изданного Карлом капитулярия о науках являлось внедрение в церковное образование и дальнейшее закрепление рационализма — через утверждение прагматической необходимости изучения наук. Хвалы Богу в адрес правящего короля должны возноситься подданными правильно не только с точки зрения содержания, но и с точки зрения литературной грамотности, говорится там.

Поэтому и религиозное образование имело языковедческий характер. Уже только поэтому оно требовало изучения ряда светских наук, стимулируя неизбежную рациональность в обучении. Рациональным или мистическим путем, но средневековая педагогика в целом стремилась достичь своей величайшей задачи — дисциплинировать свободную волю и рассудок и привести человека с их помощью к истинной вере, служению, почитанию и постижению бога, к спасению души и к вечной жизни. На протяжении всей жизни человека она стремилась воспитывать в нем праведное сочетание смиренной души и свободной воли, живого духа и обширной памяти (опирающейся на авторитеты), мистического разума и стойкой веры, тренированного рассудка и возвышенного чувства.

Основным способом организации обучения было *ученичество*: у бога (монах, священник, послушник), у мастера (ремесленник, ученый), в семье и т.д. Педагогический процесс во всех слоях и группах проходил в основном в формах ученичества. Регулярная школа дополняла его формальным образом, но тоже была близка еще к типу неинституализированного ученичества, поскольку отсутствовала строгая классная система и жесткая программируемость времени обучения. Ученики, перенимающие пример, даваемый им наставником в непосредственном с ними общении, - такова была основная педагогическая технология в эпоху Средневековья.

Особую роль играла трехчленная система разделения труда, сложившаяся к XI в.: «молящиеся», т.е. духовенство, «воюющие», т.е. светские феодалы, «работающие», т.е. крестьяне и редкие по тем временам горожане. Каждое сословие имело свой статус, свою культуру и свой педагогический идеал. Добродетелью крестьянина считалось трудолюбие; лучшей чертой аристократа - доблесть; главным качеством духовенства - праведность. Представители каждого сословия видели свое предназначение в передаче опыта следующему поколению внутри корпорации. Цели воспитания ранжировались по ступеням сословно-корпоративной иерархии,

поскольку у каждого сословия пороки и добродетели отличались от пороков и добродетелей других сословий.

Хотя философско-педагогическая мысль Средневековья главную цель воспитания всех людей видела в спасении их душ, у каждого сословия был свой путь в этом направлении, свои обязанности и свои наказания за пренебрежение ими. Носителями христианской педагогики были служители церкви. Идеалом выступала личность верующего человека, благоразумного, справедливого, умеренного, смиренного, благожелательного, кроткого, предусмотрительного. Образец воспитания должно было давать монашество. Идеалом монашеского воспитания было нравственное воспитание (чистота сердца, достигаемая путем дисциплинирования сознания и чистота плоти, достигаемая аскетическим образом жизни), устранение от земных благ, самоконтроль над желаниями, усердное чтение религиозных текстов, для понимания которых требовалось приобретение светских знаний.

Рыцарское аристократическое воспитание опиралось на идеи наследственного и личного благородства, доблести, верности, послушания, жертвенности, щедрости, умеренности. В перечень рыцарских умений входило владение копьем, фехтование, езда верхом, плавание, охота, игра в шахматы, игра на музыкальном инструменте, пение стихов собственного сочинения. Прежде всего, юношу обучали военному делу. Юным вассалам полагалось осваивать военную науку и весь круг необходимых в жизни знаний и умений, находясь в своем доме или на воспитании при сюзерене. В рыцарской образованности долго жили дохристианские традиции нравственного, физического, военного воспитания кельтских и германских племен, особенно долго сохранявшиеся на севере Европы. С 7 лет знатные мальчики приобретали знания и умения, выполняя обязанности пажей при супруге сюзерена и её придворных. В 14 лет они переходили на мужскую половину и становились оруженосцами при рыцарях. Они должны были усвоить вежливость, великодушие, уметь читать Писание и слагать стихи, иметь благородные манеры и речь, обладать военными навыками и

мужеством. Примерно на 21 году жизни происходило посвящение молодого оруженосца в рыцари – в спокойной обстановке местной церкви или на поле битвы. Образование женщин оставалось сугубо домашним. Дочери феодалов воспитывались в семье под надзором матерей и специальных женщин-воспитательниц. Девушек нередко обучали чтению и письму замковые капелланы и монахи. Широко распространилась также практика отдавать девочек из знатных семей на воспитание в женские монастыри, где их обучали латыни, знакомили с Библией, прививали правила добронравного поведения. В эпоху позднего Средневековья рыцарское воспитание постепенно утрачивалось, но не бесследно – его идеалы вошли в культуру новоевропейского дворянства. Военное физическое воспитание рыцаря трансформировалось в требования военного образования для дворян и в спортивные игры. С закатом рыцарской эпохи физическое воспитание проникает и в другие слои населения, становясь предметом пристального внимания уже в следующую эпоху Возрождения.

Детей из непривилегированного сословия «трудящихся» в лучшем случае учили ведению хозяйства, рукоделию, молитвам и некоторым текстам Библии, прежде всего Псалтири. Крестьянские ребята проходили в основном «школу жизни» в хозяйстве собственной семьи и на улице. По мере взросления их подключали к тем видам работ, на которые они оказывались годны по физическому и умственному развитию. Передача опыта и мировоззрения происходила в непосредственном общении со старшим поколением. Фольклор, песни, легенды, загадки, пословицы, танцы, магические ритуалы заменяли крестьянским детям обучение письменной культуре в городской епископской школе или в монастыре.